МИХАИЛ ЧЕХОНИН.

СТИХИ

НЬЮ-ИОРК

МИХАИЛ ЧЕХОНИН.

СТИХИ

Издание Кружка Русских Поэтов

в Америке.

НЬЮ-ИОРК 1946

МИР ОГРОМЕН.

Мир огромен, а слов так мало;
Не расскажешь никак обо всем.
Мысль, как будто пчелиное жало
Шевелится в сознаньи моем.

Мир так беден, а сердца так много;
Счета нет драгоценным камням.
Если нищий придет, у порога
Постучится, попросит—я дам . . .

Жизнь, как ворон на старом погосте—
Брось его, облети мир кругом,
Посмотри вещим оком, а после
Расскажи обо всем . . . 1930

ОСЕННИЙ САД.

Стать холодней и бесстрастней
Я не умею,
Старой и ласковой басней
Сердце согрею.

Снова отдамся обману
Вечного рая . . .
Шумно слетает к фонтану
Черная стая.

Легкие пятнышки перьев,
Камни ограды,
Голые ветви деревьев
Просят пощады.

Мысли о праведном мире
В море сомнений,
Глупый вопрос о квартире
В капле молений . . .

Ветер с мучительной дрожью
Бьется в аллее.
С мыслью о милости Божьей
Как-то теплее.

ОКЕАН

Где разметался ураган
На берегу гранитных скал,
Там злой, усталый океан
Свой древний возраст начертал.

Какая древняя тоска,
Какая страшная любовь,
Наверно, канула в века
Под рокот этих берегов.

И я, с притихшею душой
Вдыхая запах глубины,
Такой ничтожный и смешной
Смотрю на эти валуны . . .

Уставший верить и любить,
Приди сюда и посмотри
Чем нужно стать что-б победить
Слепое бешенство игры.

Взгляни на каменную ложь —
Она должна стереться в пыль,
Познавши жизненную дрожь . . .
Какая мощь, какая быль!

О ВЕТРЕ.

Расскажи мне о веселых городах,
О горячем солнце в небе голубом,
О столетних птицах в пальмовых лесах,
О прозрачных рыбах в море островном . . .

Или хочешь—я поведаю тебе
Отчего я стал угарный, словно дым,
Отчего так ветер, жалобно в трубе
По ночам смеется голосом глухим.

Оттого, что этот ветер не один
Потерявший свою родину в миру,
Много видел он безрадостных равнин —
Вот и холодно бездомному, ему.

Скучно бедному, над сонною землей,
Вот и вздумает наведаться ко мне,
Пошуметь в трубе, поплакать над собой,
Посмеяться о веселой старине . . .

До рассвета еще долго нам сидеть,
Не спеши, моя подруга, уходить—
На рассвете еще можно умереть,
Утро—злее ночи может быть.

ПРИМИРЕНЬЕ.

Я простил тебе твои ошибки
Как меня простит, наверно, Бог
Тайну жизни от твоей улыбки
Я на память, все-таки, сберег.

И теперь на все богатства мира
Стал я и богаче и бедней,
Без тебя холодная квартира
Стала как-то странно холодней . . .

Но живу о прошлом не тоскуя;
Вспоминанье—мертвая зола,
И за то тебя благодарю я,
Что ты легкой поступью ушла.

ВСЕ ПРОЙДЕТ.

Все пройдет — так обычно в стихах
Говорят наизусть.
Все пройдет — в этих старых словах
Бесконечная грусть.

Все уйдет, улетит, убежит,
Все уснет навсегда.
Только памяти — каменных плит
Не забыть никогда.

Только сердце отдаст свою дань;
Дорогому — прости . . .
Завтра утром в морозную рань
Надо снова итти.

Не сидят у потухших костров,
Вспоминая тепло.
Не жалеют несказанных слов,
Все что было — прошло.

ПЕСЕНКА ВОЛН.

Жизнь — коротенький миг,
Отблеск призрачных стран.
Необъятно велик
Океан . . .

Мы с тобой — две волны
Мы мгновенье живем,
До гранитной скалы
Добежим и умрем.

Безпощадно и зло
Веют ветры над ней,
Много жизней легло
У зеленых камней.

Много смелых сердец,
Много дум молодых
Увидало конец
На обломках седых.

И спеша и клубясь
За тобой я бегу,
Но догнать я тебя
Все никак не могу . . .

Жизнь — коротенький миг
Отблеск призрачных стран,
Необъятно велик
Океан.

1932

ГОРОД

Когда закат обнимет горы
Далекой дымкой облаков,
Тогда я выйду в тихий город
Бродить меж дремлющих домов.

Там на косые переулки
Ползет сиреневая тень,
Там воздух думчатый и гулкий
Слагает песенную лень.

И чей-то говор запоздалый
Плывет над сонною водой . . .
О город, призрачно усталый
Я не отдам тебя — ты мой.

Моя разорванная память
Тебя навеки сохранит —
И то, как пахнут твои камни
И то, как твой закат горит.

Я вижу странные виденья,
Как неразгаданные сны
Когда я чувствую плененье
Твоей прохладной тишины.

И я, как честный неврастеник
Шепчу, усталый и смешной —
Мой старый город — я твой пленник
Возьми меня, я твой, я твой.

УЛИЦА.

У этой улицы нет ни начала ни конца;
Она протоптана вечной нуждой.
Безымянная, она без лица
Она озабочена только собой . . .

Но однажды я видел в темном окне
Одного полумертвого дома —
Две тени дрожали на лунной стене
И кто-то шептался, так нежно,
Так чутко-знакомо . . .

Пусть эта улица без лица,
Пусть она знает ненастье —
Но и к ней, согревающее сердца
Забредает человеческое счастье.

В этой глупой борьбе за кусок хлеба
Я умру или уеду в другие края.
Но будет долго смотреть в небо,
В далекое пустое небо,
Улица, старинная моя!

ЛЕСТНИЦА.

Молчанье улиц. Черные от скуки
Старухи смотрят взглядом старых сов.
В усталом доме шевелятся звуки
Давным давно произнесенных слов.

На лестнице, причудливые тени
Покажут время, как мои часы,
Знакомый кот, полуживой от лени
Ко мне протянет редкие усы . . .

Ты встретишь молча. Я отвечу тоже
Глазами полными горячих слов.
Молчанье улиц станет еще строже
От шопота бессонных, черных сов. 1941

В ПОРТУ.

Соленый запах северных морей
Врывался песней в сонную погоду,
И вздрагивали цепи якорей
Опущенных в коричневую воду.

На пристани кричала детвора
И душный мрак заглядывал в подвалы,
Где пили и шумели до утра
Какие-то красавцы и нахалы . . .

В гостиннице, на третьем этаже
Приезжий капитан с лицом пирата,
Лежал в постели с книгой Беранже
И дым пускал, весьма замысловато.

Звенели песни пьяных моряков
На белом пароходе из Панамы,
И не мигая и не зная снов
Смотрели в небо угольные ямы —

Где посреди раскинутых миров
Ждал лунный рыцарь появленья дамы . . .

ЗИМНЕЕ МОРЕ.

На песок сыпучий и холодный
Гребни волн выбрасывают льдины.
Море, море, как ты зло сегодня
Хмуришь брови на слепое солнце.

Помнишь сказку, мудрую такую —
Жил старик со старою старухой,
Попросил он рыбку золотую
Сжалиться над жизнью безнадежной . . .

Море жизни сказками покрыто
Но не видно чуда золотого,
В каждой сказке — старое корыто,
В каждой песне — присказка смешная.

Никого не видно в синем море
Только волны белые гуляют.
Как ты зло, сегодня, мое море
Хмуришь брови на слепое солнце!

1939

ДЕТСТВО.

Тихий дворик, качели
За воротами лают собаки,
На окне потемнели
И повяли усталые маки.

Воздух сладкий и клейкий,
Бьют к вечерней в соседнем соборе.
Кошки ищут лазейки
В покосившемся, старом заборе.

Завтра вновь воскресенье —
Будут шумные гости, наверно.
Сон, неслышною тенью
Накрывает меня и Жюль-Верна . . .

Тигр, как Жучка залаял,
Задрожало змеиное око.
Тихий дворик растаял
В синей дали реки Ориноко.

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ.

Ты был со мной, властитель гордых дум
Когда на голос музы дальних стран
Я шел в пустыню, где ревел самум
Грозя похоронить мой караван.

Смеялся ты, когда разбитый наш
Корабль стонал от ветра и огня,
Глотая дым мы шли на абордаж —
Ты лез вперед, чтоб заслонить меня . . .

О сколько раз, сжимая карабин
Я пробирался в девственных лесах,
И долгим эхом каменных ложбин
Ты укрощал мой непонятный страх.

Как можешь ты безмолствовать теперь —
Когда фокс-трот танцуют дикари,
Когда вокруг так пусто от потерь
И вдаль идут чужие корабли . . . .

И я, в тоске бесплодных горьких дум
Не вижу больше музы дальних стран —
Меня слепит безжалостный самум,
Меня влечет в пучину океан !

МИГ.

Тонут дни в какой-то дикой мгле,
Гибнут ночи в солнце золотом —
Все внезапно стало на земле
Непробудным, непонятным сном.

Счет минутам и векам пропал,
Словно звезды вышли из орбит,
Полетело все в один провал —
Человек, пылинка, трилобит

Захлестал огней каких-то рой
По стеклянным, неживым глазам.
И небольно, словно он не мой
Камень сердца треснул пополам . . .

Но качнулась вдруг ночная тень
И вспугнула навожденье прочь . . .
О какое счастье, что есть день !
О какое счастье, что есть ночь !

ЭЛЛАДА.

Послушны северные скифы
И шлют послов в Пеллопонес . . .
И волны пенятся о рифы
И героические мифы
Вплетает в жизнь, седой Зевес.

Смеются дерзкие вакханки
В тени магнолий и дубов.
И торопливые служанки
Спешат к прекрасной лесбианке —
Вести ее на пир стихов . . .

Гремят по всей Итаке трубы
И льются песни молодых . . .
Объятья радостны и грубы,
И шепчут трепетные губы —
Ты самый лучший мой жених !

ГОДЫ.

Так судьба стучится в **дверь.**

Прощай, святая иллюзорность
Надежд безценно молодых,
Ты обратила непокорность
В удушье дум полубольных.

Душа, как сумрачные своды
Покрыта плесенью времен,
И годы, медленные годы
Хоронят юношеский сон . . .

Они уносят в беге тайном
Тщету моих прекрасных грез,
Лаская жизнь лучем случайным
На фоне злых метаморфоз.

Они идут от мрака к свету
И снова падают во мрак;
В мифологическую Лету
Направлен их бесславный шаг.

Туда, где холод замогильный
Венчает вечностью добро,
Где гордо царствует всесильный,
Его Величество — Зеро.

САЛЮТ.

Я простился с теми пристанями,
Что по-русски — тихими, зовут.
Я спою над пенными волнами
Обо всем, что в сердце берегут.

Пусть мое лицо обвеют ветры —
Жизнь страшнее чем полярный круг,
Не заглушит буря моей песни
Не скует и холод моих рук.

И назад едва ли поверну я,
Мои мысли — это сталь и медь;
О труде великом повествуя,
Сердце их заставит закипеть . . .

И когда я встречусь с кораблями,
Я товарищеский дам салют —
И они простились с пристанями,
Что по-русски — тихими, зовут.

1929

СТОЯЛ У БАШНИ.

В небе дорожка света,
Разлетевшаяся золотистой пудрой.
Солнце — божок из Тибета,
Ласковый и мудрый
Сонно кивнул головой
И медленный и чинный
Ушел. Башенный бой
Вспугнул рассеянного господина . . .
Ветер, как блудливая кошка
Взмахнул хвостом на крыше.
В сердце стало дрожко
Но как-то глубже и выше.
Восемь, девять, десять часов . . .
Больно считать удары,
Приготовлено столько слов
Нежных, дорогих, старых.
Зря. Так и не пришла.
Холодно. Смешно и пусто.
Мысль бесконечна и зла —
Так говорил Заратустра.

ТУМАН.

Над городом висела пелена
Безмолвного, белесого тумана,
А сквозь нее, пустынная луна
Смотрела в мир назойливо и пьяно . . .
Молчали улицы и сохли от дождя
И фонари горели и молчали,
И чья-то одинокая душа
Блуждала и томилась от печали,
И кто-то долго плакал на луну . . .
А сонный мир качаясь и зевая,
Глядел, как окунаясь в тишину,
Рождались миги тут-же умирая.

НИКОГДА.

А что если все позабыть
И вновь не притти никогда?
И вечно тебя вспоминать
И чуда какого-то ждать
И быть несчастливым всегда.

И в темную, душную ночь
Притти к молчаливым кустам,
В глубокий глядеть небосвод
И думать, что, может быть, там
Незримое счастье живет.

А жизнь будет тихо шагать
И скучные дни воровать,
Потом подкрадется и смерть
И тихой и верной рукой
Прольет над любимой землей
Последнюю каплю души . . .

Я завтра, конечно, приду
И в нашем цветущем саду,
Мы будем обнявшись бродить
И молча друг друга любить.

Но полночь наступит когда,
Ты снова простишься со мной
И я, прижимаясь щекой
К холодному лбу твоему,
Подумаю снова тогда —
А что если вновь не притти
Никогда ?

СПЛЕТНЯ.

Точно змейка — прикоснется
Кожей ласково зеленой
И томительно вопьется
В сердце жертвы обреченной.

Пляской — лаской наслажденья
Мысли темные развеет,
И огнем прикосновенья
Душу бедную согреет.

Тихим ядом утешенья
Усыпит больную совесть,
И накроет легкой тенью
Снов мучительную повесть . . .

Если, с дрожью сладострастья
Хочешь мести глянуть в очи,
Если хочешь призрак счастья
Увидать во мраке ночи —

Выпей чувственный избыток
Думы горько прихотливой,
Вечно сладостный напиток
Сплетни — змейки шаловливой.

СЕРДЦУ.

Молчи, безработное сердце
И смейся над черной нуждой,
Ты скоро, наверно, узнаешь
Последний. решительный бой.

Давай твою руку, товарищ —
Ты будешь в борьбе не один,
Познавший суровою жизнью
Всю ложь золотых серединн.

На клич городской баррикады
Мы выйдем из темных углов,
И сбросим в колодец забвенья
Надменных и глупых врагов . . .

А после, на знамени ярком
Мы впишем наш лозунг святой —
Спи, прошлое; жизнь в настоящем,
Жизнь — солнечный путь над землей!

УГОЛОК ПАМЯТИ.

Меня теперь никто уж там не вспомнит,
Никто не обернется на мой шаг —
Холодный ветер в спину мне погонит,
Сухую пыль да лай чужих собак.
Пройду с горы, где озеро седое
Зеленой тиной глянет на меня . . .
Проходит жизнь, проходит все земное,
Пустыми побрякушками звеня.
Спокойные, родные палестины,
Все те-же вы, да я уже не тот —
Заглядываю в окна, у рябины
Ищу того, кто больше не живет.
Все умерли, уехали, уплыли,
В пустом саду торчат гнилые пни —
Тропинки лишь, наверно, не забыли
Моей веселой, детской беготни.

Вот площадь, где бывало от футбола
Всегда висел мальчишеский кагал,
Но где была приветливая школа
Теперь стоит трехъярусный вокзал . . .
Пора домой, пусть в памяти потонет
Все то, что я так бережно хранил —
Меня теперь никто уж там не вспомнит,
Никто не скажет — Здравствуй, Михаил.

МОСКОВИТ.

Да, я из той холодной дали,
Где шум лесов и рокот вод
Плетут канву такой печали,
Какой не знает ваш народ.

Там песня — птица золотая
Приносит радостный привет,
Там ветры буйные гуляют
Лаская грусть, какой здесь нет . . .

Я берегу больную ласку
Прозрачных, северных ночей —
Я лучше расскажу вам сказку
О странной родине моей.

Но не просите песни звонкой
Когда мне не о чем скорбеть —
Я слишком сыт для грусти тонкой,
Я слишком счастлив, чтобы петь.

ЗАВТРА.

Еще одно воспоминанье,
Еще один глоток вина —
Не омрачай мое сознанье
Виденьем завтрашнего дня . . .

Не пережитое тобою
Еще сегодня не прошло,
Оно парит над головою
Невозмутимо и светло.

А завтра — праздничные ризы
Или последнее прости,
Какие новые капризы
Захочет жизнь преподнести?

Пускай слепое ожиданье
Не видит завтрашнего дня —
Еще одно воспоминанье,
Еще один глоток вина . . .

ВЫЗОВ.

Там, где пронзительно и остро
Гуляет ветер над водой,
Лежит мой заповедный остров
Покрытый снежной пеленой.

Туда, в безжизненные грани
Меня надежды понесли —
Найти в холодном океане
Последний путь своей земли . . .

Я мыслю — волею упорной
Раздвинуть каменные льды,
Пусть мой корабль плывет по черной
И узкой полосе воды.

И близкий так к заветной цели,
Я клич бросаю в темноту —
Беснуйтесь, снежные метели
Вы рвете только пустоту ! 1932

ДОРОГА.

Дорога поет и шумит, как река
Съедая на сердце тоску,
Как кони степные летят облака
В каком-то горячем скаку

Уж скоро потянутся птицы на юг
Крикливой такой чередой —
Дорога, старинный и верный мой друг,
Дай снова обняться с тобой.

Знакомые песни я вновь узнаю —
Да, это моя сторона.
Вот только боюсь, что в домашнем краю
Никто не узнает меня.

Придут посмотреть заграничный костюм
Да слов не найдется со мной.
И я замолчу, спотыкаясь от дум,
Усталый, нелепый, смешной . . .

Старинная бабка на чей-то вопрос,
Прошамкает только — Кажись . . .
И ликом похож и отцовский и рост,
Ну, что-же, пришел — так садись.

МАМА.

Остров прекрасной жалости
В море житейских бед.
Мама, купи мне, пожалуйста
Трехколесный велосипед . . .

Помнишь, зелень крапивная
Дико цвела у крыльца?
Ты была тогда очень красивая,
С полным овалом лица.

С вечными, звонкими песнями
В праздник пекла пироги,
Весело прыгали блесками
Серьги и кольца твои . . .

Да. Да. Конечно. Разумеется.
Сказка превращается в быль,
Память-же былью развеется,
Как ветром, дорожная пыль.

И никому не надо шалости
Растянутой на тридцать лет . . .
Мама, купи мне, пожалуйста
Пробочный пистолет.

Отчего ты так молчалива,
На тебе не видно лица . . .
А чудная была крапива
У самого крыльца! 1939

НОЧЬ.

Вечер — сторож долгих снов
Разомкнул свои объятья,
Словно символы проклятья
Стали остовы домов.

В тихом беге на восток
Гасли искры золотые,
Сыпал стрелы ледяные
Ветер — яростный стрелок.

Где-то плакал хриплый альт
Обескровленной машины,
Оскорбленно бились шины
О бесчувственный асфальт . . .

На заплеванных углах
Ожидая пьяной шутки,
Зябло жались проститутки
С кротким ужасом в глазах.

Ночь была полна чудес . . .
Где-то пели и плясали.
Но пришло, полно печали
Утро — блудный сын небес.

Свет упал и сторож снов
Снова сжал свои объятья.
Словно призраки проклятья
Были тени от домов

ПОЭМА ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ.

Ветер, ночью заблудившейся играл,
В темном небе плыли звезды-пузыри,
Желтых листьев сумашедший карнавал
Собирался веселиться до зари
Ветер песенки насвистывал, шутя
С тополями на бульваре городском,
И о чем-то вспоминая и крехтя
Пререкался с буйным ветром, старый дом

А за окном плакала одинокая
Девушка с лакированными ногтями.
У ней красные глаза и тихое сердце.
На комоде — фотография мамы,
А отца она не помнит . . .
Ветер, ветер, пожалей одинокую
Девушку с лакированными ногтями.

Ставни хлопали в восторге от игры —
Представленье удалось, как никогда.
На балконе, там где бедные миры
Даже лопнула какая-то звезда.
Только глупые, смотрели фонари,
Как уходит ночь, зевая широко
И бледнели и тускнели от зари
И вздыхали, беспричинно и легко . . .

ГЛОБ ТРОТТЕР.

Ни родины, ни дома, ни семьи
И никого, кто ждал-бы его, где-то,
Все для него — чужие и свои
В любой стране и в каждой части света.

Весь круглый мир он так исколесил
Развинчанной и медленной походкой,
Он отдыхал там только, где любил,
Где песни пел и пил вино с красоткой . . .

Вот он идет — прямой, как истукан
В зубах гаванна терпкая, как жалость,
В глазах воспоминанье дальних стран
А в сердце — бесконечная усталость.

Но поясе болтаются ножи
Один морской, другой для хара-кири.
Что для него спокойствие души
Когда душа, как гость в пустой квартире.

Опять запели жерла белых труб,
И он спешит расстаться до заката
И сердце ноет вновь, как старый зуб
И облака опять летят куда-то . . .

Прощай земля ! И вновь горят зрачки
Глотая даль последней части света,
В груди легко от сумрачной тоски
И от того, что кто-то, плакал, где-то . . .

У ЧАСОВЩИКА.

Бег времени отсчитывая мерно
Стоят на полках старые часы.
Как много тайн они хранят, наверно
Какие им, наверно, снятся сны . . .

На циферблатах медных и картонных
Вся гамма выражений наших лиц;
Условный час застенчивых влюбленных
И нудные минуты продавщиц.

Рассказывают, кашляя устало
О прошлых днях каминные часы,
И глухо стонет сердце из металла
О том, что гибнут в ржавчине мечты . . .

Двенадцать. Часовщик сгибает спину,
Ночь на дворе но нужно сдать заказ —
Он честно платит жизни-господину
За право жить — ценой усталых глаз.

Его искусство — это лишь терпенье,
Упорный труд а, может быть, любовь,
Он видит тайну вечного движенья
Потерянных мгновений и миров.

Он лечит часовые ревматизмы;
Часы должны играть, ходить и бить —
Смешной чудак, он чинит механизмы
Но жизнь свою не может починить.

О ней уж позаботится, наверно
Другой искусный мудрый часовщик,
И маятник отстукивает мерно
Летящий в бездну лет за мигом миг . . .

Когда-ж рассвет в свои права вступает
Бросая в окна яркие лучи,
Все так-же бьют и медленно вздыхают
И вспоминают прошлое, часы.

ЧЕРНАЯ КРАСАВИЦА.

Из тебя не выйдет танцовщицы
Даже негритянского балета,
На тебя глазеют эти лица
Только потому, что ты раздета.

Ты люба измученным от счастья
Пьяного, двенадцатого часа,
Только потому, что на запястья
Ты одела кольца папуаса . . .

Ночь проходит хлопая глазами,
Кончен танец страсти и мученья —
Пятна лиц, колючими словами
Щедро рассыпают поощренья.

Танцуй и пой, веселая и злая
Тебя зовет ночной притон господ,
Весь глупый мир, глазами попугая
Спешит глядеть на голый твой живот.

Твоя печаль безмерна и бездонна,
В горячем реве ярких медных труб,
Никто не знает, черная Мадонна
О чем смеешься ты углами губ.

Лишь рано утром, пьяная от шутки,
Безумной шутки прихоти людской,
Ты выплеснешь над личиком малютки
Весь тихий ужас матери святой.

Пусть этот мир безжалостен и звонок
К любви твоей и нежности большой —
Молчи и знай, что черный твой ребенок
Быть может, будет с белою душой!

УГОЛ ГОРОДА.

По утрам здесь продают газеты.
А когда ленивый и вечерний
Сумрак сочиняет силуэты —
Он приходит, горестный и древний.
Камни улиц медленно вздыхают,
Ноют кости и уходят силы,
И о сердце лишь напоминают
На руках, извилистые жилы.
В точках глаз, иссушенные мысли
Ищут к одиночеству участья,
Корень зла и в сокровенном смысле
Пустошь человеческого счастья.
И не может время и пространство
Заглушить тоски о мудрой жизни,
Боли исступленного упрямства —
Думать о потерянной отчизне . . .

Окна дышут ресторанным гамом,
Шевеля голодные надежды.
За углом, Иаков с Авраамом
Чинят чьи-то старые одежды,
Горестно вздыхают животами,
Ищут блох и чешут поясницы . . .
И бесшумно бродят над домами
Блики электрической зарницы.
Жизнь и смерть царапают друг друга.
Время здесь не оставляет меты.
Мира нет — есть только этот угол.
По утрам здесь продают газеты.

ОТШЕЛЬНИК.

За каменной оградой ты живешь,
За крепкою стеной стоит твой дом —
Ты горести свои там бережешь
О прошлом, о прошедшем, о былом.
За окнами бегут живые дни,
Проходит дрожь по всей большой земле —
Но в комнате твоей горят огни
И пыль лежит на письменном столе.
Я знаю, что под ветхостью одежд
Душа твоя попрежнему юнйа,
Но тяжестью несбывшихся надежд
Придавлена, невинная, она.
И мысль еще попрежнему юнйа
И жаждет ласк и праздничных затей,
Но, бедная, тобой обречена
На вечный плен задушенных страстей . . .

Я прихожу беседовать с тобой
О новых песнях, людях и делах,
Но ты в ответ качаешь головой,
Как маятник бездумный на часах.
Мне кажется, что жизнь твоя легла
Дорогою меж царственных могил —
О гордость, гордость, скольких ты могла
Лишить ума и радости и сил . . .
Погибший но не сломленный в борьбе,
Прощай, старик, философ и поэт,
Я ухожу дивясь твоей судьбе —
А ты стоишь и долго смотришь вслед.

ИНДИЯ.

Не счесть алмазов в каменных пещерах —
Какой знакомый музыкальный стих,
В нем страстные напевы баядерок
Сплетаются с молитвами святых . . .

Горят во лбу зеленые сапфиры
У истуканов мрачных и немых,
И на утесах гор хранят мундиры
Покой господ, надменных и чужих.

Никто не видит в храмах, освященных
Заветами забытых мудрецов,
Как умирают толпы прокаженных
У белых стен причудливых дворцов.

О Индия прочитанных романов,
Страна слонов и ядовитых змей,
Страна чудес и сказочных обманов —
Когда ты станешь проще и светлей?

Когда твои нерадостные боги
С высоких пьедесталов упадут?
Когда твои холодные чертоги
Узнают жизнь и что такое — труд?

И в солнце ослепительном сверкая
Колышется прозрачный океан —
Молчит страна. От края и до края
Зарывшись в грезы, дремлет Индостан.

И шепчут сумашедшие факиры,
Что будет грех, отмщенье, страшный мор,
И снова разноцветные мундиры
Стоят на страже по утесам гор.

И снова льются песни о химерах,
О призраках, о змеях, о святых . . .
Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть рабов на рудниках глухих.

КАКИЕ БЫВАЮТ СТРАННИКИ.

Он к нам пришел из дальних стран,
Усталый, сумрачный и строгий —
В его бровях лежал туман
И пыль ветров с большой дороги.

Он был когда-то общий друг
Но мы его с трудом узнали,
Он к нам вошел, в наш тесный круг
Чужим от странствий и печали.

Он был не стар еще, но век
Его уже был на исходе.
Он попросился на ночлег
При всем собравшемся народе.

Его спросил один из нас
Когда улегся шум приветствий —
Ты был, наверно много раз
На перепутьи многих бедствий . . .

Скажи, когда беспечный смех
В жилища наши постучится,

Когда наступит мир, для всех
Уставших верить и молиться?

Он помолчал. И как мудрец
Изрек ответ правдиво-жесткий —
  Когда вернется наконец
Последний странник в дом отцовский . . .

Он нам поведал все свои
Молитвы, горести и встречи,
И были странны, точно сны
Его отрывистые речи.

Мы разошлись когда вдали
Погас прощальный луч заката.
Мы думали, что мы нашли
Опять потерянного брата.

Но утром, лишь умыв лицо
И посидев со всей семьею,
Он снова вышел на крыльцо
С пустой котомкой за спиною.

Один из нас сказал ему —
  Чудак! Ведь здесь так все знакомо.
Так мило сердцу твоему,
Куда теперь, ведь ты-же — дома.

Но он, взглянув на темный лес
И в даль размытую дождями,
Сказал — Прощайте . . . И исчез,
Как будто вовсе не был с нами.

И мы, смущенною толпой
Вернулись всяк к своим заботам —
Ходить за бедною землей
И обливаться тяжким потом.

Поить скотов, колоть дрова,
Следить за ростом своих малых,
Считать их именем года
И ждать бездомных и усталых . . .

И кто-бы, что-бы не сказал
Потом о страннике суровом —
Никто его не поминал
Пустым и старым, глупым словом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕТРА.

Дуй, ветер, дуй. Пой, ветер, пой.
Ты улетал куда-то многократно
Но возвращался каждый раз обратно
И примирялся с собственной судьбой.

И я живу, томясь в своих кругах —
Они мне так мучительны и тесны,
Я рвусь туда, где дали неизвестны
Но возвращаюсь сломленный, в слезах.

И солнце озаряющее землю,
Смеется над суетностью моей —
Когда усталый от своих страстей
Я, песне брата по оружью, внемлю.

Преступный зов молчит в моей груди.
Дуй, ветер, дуй. Пой, ветер —
Ты не один на этом белом свете
Не знающий, что будет впереди . . .

Прекрасный мир колышется в кругах
И бесконечно это колыханье,
И безупречно это основанье
Потерянное в сумрачных веках.

БИТВА

Опять трубит победный рог
Свой зов воинственно суровый,
Сзывая запад и восток
Сразиться грозно в битве новой . . .

Опять прольется, как вода
Живая кровь рекою алой,
И запылают города
Во мраке ночи одичалой . . .

С кем будет истинна тогда.
Чье будет право новой жизни,
Найдет-ли хищная орда
Обратный путь к своей отчизне?

Я не мечтатель и пророк,
Но я предчувствую развязку —
С кого-то снова мудрый рок
Сорвет ликующую маску.

И чьи-то громкие дела
Слетят в бездонную пучину,
Где вечный страж добра и зла
Замкнет их черную судьбину . . .

Так пусть-же близится исход —
Но в этой битве вечно-правой,
Пусть победит лишь мой народ,
Великий, вещий, величавый.

1938

ВЕЧЕР ВОЙНЫ.

Играл оркестр бессмысленно и пусто,
Шумели все в припадке болтовни
И двигались напористо и густо
Туда, где жгли бенгальские огни.

Смертельный праздник был велик и жуток . . .
А поезда, во все концы путей
Дрожа от свиста, слез, вина и шуток
Уже везли вчерашний сад детей.

Здесь никому не страшен гул орудий
Но смерть глядит из каждой пары глаз . . .
Как стар весь мир, как скучны эти люди
И весь их пыл воинственных проказ !

Сегодня вечер душен и вульгарен —
Напрасно жгли бенгальские огни.
Сегодня мир так горестно бездарен
От этой музыки,
От этой болтовни . . . 1942

БОЛЬ И ГНЕВ.

Бессильно слово и беззвучен стих
Перед лицом всемирного страданья —
Когда не слышно голоса живых
Когда от мертвых нет воспоминанья . . .

Когда горят в кощунственном огне
Жилища освященные веками —
Тогда нельзя не плакать в тишине
Горячими и жуткими слезами.

Но после слез рождается в груди
Такое чувство гордое и злое,
Что даже тот, кто вечно позади
Мгновенно превращается в героя.

Такой восторг от гневного вина
Что даже мысль становится туманной,
Такая боль, что даже смерть сама
Становится любимой и желанной . . .

1942

ТЯЖКИЙ СОН.

Голодали взрослые и дети . . .
Это была страшная зима.
Смерть ждала кого-то на рассвете
И стояли в снежном туалете,
Черные, разбитые дома.

Приходили крепкие солдаты,
Хохотали, били по лицу —
Все, что было дорого и свято,
Все летело в яму без возврата —
Жизнь, казалось, двигалась к концу . . .

Я не видел тягостных кошмаров,
Я читал в газетах о войне.
Но и дым бесчисленных пожаров,
Но и боль нанесенных ударов —
Отдавалась сердцем в тишине.

Если мне, живущему в покое,
Эта явь казалась только сном —
Как-же там — уставшие от боя,
От мороза, холода и зноя,
Могут жить и строить новый дом?

Вспомни время страшное России,
Ужас первой, памятной зимы . . .
Если там живы еще родные,
Если могут вынести другие —
Значит можем вынести и мы.

1942

ПРИВЕТ ТЕБЕ.

Снег и бомбы падали на город,
Город снов, дворцов и баррикад —
Я там был когда был очень молод
И когда он звался — Петроград . . .

Ночью прилетали бомбовозы
Заводили смертный бой с землей,
Наступали жгучие морозы,
Били пушки гулкой чередой.

Плакали холодными слезами
Окна неотопленных квартир,
Фабрики гудели молотками
Сверлами, моторами, станками —
Там, окоченевшими руками
Люди звали в бой весь мир . . .

В прошлом было только четверть века,
Враг был грозен, тяжек и свиреп
Но спасала вера в человека
Вера в жизнь и русский черный хлеб.

Враг был сломлен, он бежал позорно . . .
И стоит, как старый великан,
Город мой свободный и просторный,
Город — знамя пробужденных стран.

Шлю тебе привет, красавец дальний,
Город снов, дворцов и баррикад,
Памятный, родной, военачальный
Светлый город — Ленинград.

1944

ВОЛГА.

Черный дым лежит на мерзлом поле —
Здесь прошла сражений колея,
Волга, Волга, Стенькино раздолье
Сторона далекая моя . . .

Много было песен понапето
Но еще одну тебе споют —
Как сухое, пламенное лето
Разметало русский твой уют.

Как задумал враг исконни древний
Разломать старинный твой уклад,
Как горели села и деревни,
Как оборонялся
Сталинград.

Боль и гнев тяжелых испытаний
Вынесла великая река.
От твоих неслыханных страданий
У меня теперь душа легка.

Мне не стыдно в будущее время
Поколеньям будущим взглянуть
За свое такое
Боевое племя,
За его такой суровый путь . . .

В эти дни нередко вспоминаю
Я твои крутые берега,
Я тебя не видел но я знаю
Отчего ты мне так дорога.

Отчего так весело во взоре
И так грустно в сердце у меня,
Волга, Волга,
Вражеское горе
Сторона далекая моя.

1943

ВЕЧНАЯ БИТВА.

Се ветры Стрибожьи внуки.

Кончился бой. Неподвижны
Мертвые люди и пушки.
Смотрит в холодное небо
Лик обожженной земли.
Дуют свирепые ветры,
Воют Стрибоговы внуки
В темное логово ночи
Долгие песни свои . . .

Там, за старинным курганом
Вдруг пробужденные песней
Медленно поднялись тени
В тяжких доспехах своих,
Грозно блеснуло оружье,
И разбежавшись столкнулись
Тысячелетние рати
Воинов снова живых.

Сумрак смотрел безучастный
Как закипела бесшумно
Вечная, страшная битва,
Призрачных, вечных бойцов.
Долго сходились немые,
Долго рубились нещадно
Падали, вновь поднимались
И умирали без слов . . .

Только прохладное утро
Встало над лесом дремучим —
Ожили, вздрогнули снова
Камни, деревья и пни,
И в трескотне пулеметов,
В лязге и грохоте танков
Вдруг провалились куда-то
Тени седой старины.

Место их заняли люди
В серых солдатских шинелях
Снова отстаивать грудью
Шири родимой земли,
Где-то пропели моторы . . .
И разорвался зловеще
Первый, слепой, дальнобойный
В розовой, свежей дали.

Дрогнули горы далеко
Даже ответило море
Эхом таким удивленным
На громовое ура.
Все завертелось, смешалось
Все захлебнулось в тумане,
Все потонуло в гремучем
Воздухе дымном утра . . .

И напоенное кровью
Поле вздохнуло глубоко —
Много здесь воинов билось,
Много их здесь полегло.
Пойте Стрибоговы внуки
В песнях своих величавых,
Вечную память, сразившим
Многовековое зло . . .

Нет больше страха земного,
Злые развеяны чары,
Темные сломлены силы,
Прахом рассыпан их миф.
Все, что копили их предки
Гордой душой, терпеливой —
Все погубили потомки
Диким позором покрыв.

Спите-же призраки-люди
Спите спокойно, но чутко,
Новые беды нагрянут
Снова подниметесь вы.
Жизнь бесконечна, благая,
Вечных ночей не бывает,
Мир не напрасно омылся
В вашей горячей крови.

Время пройдет и залечит
Черные раны раздоров
Вновь зацветет небывало
Эта сырая земля.
Если-бы не было битвы,
Если-бы не было смерти —
Так ведь и не было-б жизни,
Так и трава-б не росла . . .

Войте свирепые ветры,
Вейте над полем изрытым
Громкие песни слагайте
Детям и внукам бойцов,
Что-б не забыли упавших
В битве жестокой и вечной,
Что-бы их славное имя
Жило во веки веков !

1943

КРУГ.

Опять придет цветущая весна,
Ленивых дней прольется водопад,
И ночи станут душные, без сна
Лукавые и горькие, как яд.

В пустые мысли, как в колокола
Забьют желаний острых языки,
Горячая от света и тепла,
Слепая кровь запросится в зрачки.

В душе — еще попрежнему зима,
Так неподвижно, тихо и темно —
Привычная, домашняя тюрьма
Стремящаяся вырваться в окно.

А тут уже идет, цветет весна
Ленивых дней гудит неровный шум,
За ними ночи шествуют, без сна,
Усталые и душные от дум.

Таких-же, как безвольная весна —
О том, что я — комок случайных мук,
Случайных бурь случайная волна —
Не в силах разорвать проклятый круг . . .

БЕРЕГ СНА.

Мне снилось солнечное море
И берег темно-бурых скал,
Где осужденный, я стоял
Молясь о счастье и о горе.

Всю жизнь свою благословляя,
Я размышлял о вечном сне
И сердца не было во мне,
Но трепетала мысль живая.

Когда-же ветер пролетал —
Я простирал бессильно руки;
Конец своей жестокой муки
Я бессловесно призывал.

Передо мной пустынным мысом
Шла в море бурное, земля.
Мне снилось, что я был не я,
Мне снилось — я был кипарисом . . .

СЕРДЦЕ ГОРОДА.

Центр гигантского механического тела,
Пульс жизнь, скованный сталью и цементом,
Рождающий полчища белых и красных шариков,
Создающий ритмы движения.

Эти человеческие лица —
Словно маски минутных страстей;
Красные губы манят в темноту,
Бледно-неоновые глаза утомления
Вспыхивают и потухают . . .

И титанические челюсти, дыша алкоголем
Медленно пережевывают миллионы жизней.
Это сердце города,
Зеркало старой красавицы — Времени.

Я узнаю тебя, я хорошо знаю тебя,
Старый развратник, мой город.
Я знаю чье сердце бьется в твоей груди —
Это мое сердце . . .

СМЕРТЬ ПЬЕРРО.

Бумажный черт трепал ногами
Давясь лиловой бородой,
А он — знакомясь с моряками
Пил виски с содовой водой . . .

Кассир торжественный и сонный
Прощал кому-то все грехи,
А он — засмеянный и томный
Читал последние стихи . . .

Когда-ж устав от скверных шуток
Свалилась в угол матросня,
Тогда на смену пьяных суток
Пришел рассвет второго дня.

Бумажный черт лежал забытый
И оскорбленный, как никто,
Когда ушел вином залитый
Последний гость, хрипя в пальто . . .

И сторож шеколадно-черный,
Сдвигая клубное добро —
Потом нашел в мужской уборной
Уже остывшего, Пьерро . . .

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ.

Угол неба полыхнул огнем,
Пополам ломая небосвод,
И упали вместе дождь и гром
На покров безжизненных пород . . .
Там, где камни первобытных скал
В узких щелях вспоминали лед,
Загудел поток и заплясал
Дикой пляской прыгающих вод.
Долгим вздохом вспомнила земля
Молодость далекую свою —
Гордый блеск зеленого огня
И ветров мятежную игру,
Страстный шопот раскаленных струй
У подножья бесконечных гор,
Солнечный могучий поцелуй,
Времени любовный разговор . . .

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК.

Все умерло. Осталась лишь земля —
Последнее жилище безнадежных,
Последнее пристанище мятежных
С разломанного бурей корабля.

Уходит солнце в сумрачную даль
Душа лежит безводною пустыней,
Ужасный жар сменяется на иней,
Великий гнев на тихую печаль.

Я выхожу в распахнутую дверь
Пройти путем умерших поколений.
Я шествую, как обнищавший гений,
Как вечный Фауст, как голодный зверь . . .

Последний гость обители земной —
Я прохожу дорогами пустыми,
Я плачу над руинами святыми —
Никто не будет плакать надо мной !

СКРИПАЧ.

Слушай, бедняк, и запомни —
Скрипка безвучна твоя,
Это не скрипка играет
Это играет душа.
Это грустит твое сердце
В призрачном беге минут,
Вот почему твои струны
Так многозвучно поют.

Время бесцельно несется —
Слушай, скрипач, и играй
Но не старайся постигнуть
Где человеческий рай.
И не ищи совершенства
В мире большом и пустом;
Счастье нигде не летает,
Счастье лишь в сердце твоем . . .

Но если ты не заметишь,
Что оно вечно с тобой —
Ты никогда не узнаешь
Что это значит — покой.
Станут тревожные тени
Вечно тебя соблазнять —
Смолкнет душа и не станет
Больше на скрипке играть . . .

1935

МИСТЕР ДЖОНС.

Он часто видит в беспокойном сне
Как светит ослепительное солнце,
В давным давно покинутой стране,
Где никогда не слышали о Джонсе.

Уходят сны и в утренней тиши
Пока еще печаль их ощутима,
Он вспоминает в глубине души
Другое человеческое имя.

Но лишь на миг . . . И строгий, как всегда —
Вот он летит в моторной рыси глянца,
Забыты сны, больные от стыда
И ветренное имя иностранца.

И старый дом над тихою рекой
И яркое расплывчатое солнце . . .

И счастлив тот, кто робкою рукой
Жмет руку уважаемого Джонса.

МАТЬ.

Она прошла в тени креста.
Молчала темная Галгофа,
И возносился дух Христа
В жилище Бога-Саваофа

В ея глазах была видна
Такая боль немых молений,
Что там, где только шла она,
Ложились медленные тени.

И кто-то ей сказал тогда —
  Да будет вечен дух стихии,
Объявший ночь и знак креста,
И горе страшное Марии . . .

И тихо дрогнули в ответ
Ея безжизненные губы —
  Да будет вечен наш завет;
Я тоже мать, я — мать Иуды.

ЖИЗНЬ.

Смеяться и с гримасой на лице
Ловить себя на мысли о конце.
И в тихой тьме когда горит любовь
Услышать вдруг, как стынет в жилах кровь,
И в четком и медлительном мозгу
Увидеть вдруг, как оттиск на снегу —
Последний час, последний легкий миг,
Смежающий покоем темный лик . . .

Какая-то бездушная улыбка,
Какая-то жестокая ошибка,
Какая-то несказанная ложь —
Жить зная, что умрешь.

МЫСЛЬ.

Пусть уверяет, что он дружен
Но ты не верь,
Знай, лишь тогда когда ты нужен
Стучатся в дверь.

И на приветственное слово
Ты отзовись,
Но непреклонно и сурово
В себя замкнись.

Замкнись от всех без сожаленья
Как на замок —
Лишь тот постиг все откровенье
Кто одинок.

И только тот постиг все тайны,
Всю красоту,
Кто не менял на миг случайный
Свою мечту . . .

И знай, что мысль тогда прозрачна
Когда она
На одиночество и вечно
Обречена.

1929

ЭПИЗОД.

То был лишь краткий и случайный эпизод,
Как быстрый миг. Безудержно и смело
Когда дрожит надломленное тело
И падает и кривит черный рот . . .

И девственница в темноте безгласной
Когда с внезапной болью сознает,
Что вновь она уж больше не найдет
Ни смеха прежнего, ни радости бесстрастной . . .

Таков был краткий и случайный эпизод.

МАСКА БЕТХОВЕНА.

Холодный гипс запечатлел
Нечеловеческие муки
И неразгаданный удел
Того, кто верил только в звуки.

И в очертаньи мертвых дум
Легли и гордость и смиренье.
Но кость, где жил когда-то ум
Полна живого вдохновенья —

Тоски несыгранных сонат
И неисполненных симфоний . . .

ГОРЫ.

Шел в гору но дышалось легко
Слабые тени ложились у ног,
В расселинах скал зеленел
И чах, низкий мох.

Багровый закат уходил далеко
За край обнаженной земли . . .
Здесь было когда-то тепло
И звери паслись на лугах,

И в пышном цветеньи лесов
Хор птиц разноцветных звучал,
И капли прозрачной росы
Дрожали на травах у скал.

Но время дохнуло жестоким
Дыханьем столетних дней,
И замерло все, обратившись
В молчанье камней . . .

Все стихло, считая пространство
Рядами высоких громад,
И только холодные змеи
На солнце ползут и шипят.

Том, том, том — раздаются шаги
Это шествует старость,
Том — отвечает горное эхо
Это поет одиночество.

1945

МАТЕРИАЛЫ.

Перед тобой — задача всех людей;
Ты должен выплавить металлы,
Но выбирай лишь те, что погрубей
И первобытней материалы.

Из них работа строга и проста,
Как искренность проста и строга.
А искренность уже есть красота,
Та, что зовется даром Бога.

Бездушна медь, надменна в звоне сталь,
А в золоте звучат глумленья —
В железе только тихая печаль
И тихие о радости моленья.

Но не стучи по золоту, как тот
Кто из металла дорогого
Хотел однажды выбить и не мог,
Простое человеческое слово.

Возьми металл суровой простоты —
Пусть выкуют тяжелые удары
И молодую силу молодых
И старческую мудрость старых.

1932

ОТРЫВОК ПЕРВЫЙ.

В моей каморке полной глупых снов,
Забытых книг и старых акварелей
Совсем не слышно уличных гудков.
И дни идут — неделя за неделей,
То медленно ползут а то быстрей . . .
И я живу спокойный и беспечный
И жду чудес и писем от друзей
И радуюсь печали скоротечной.

Как странно, что теперь идет война
И льется кровь и гибнут поколенья.
Душа молчит хотя она полна
Безмерного, больного возмущенья.
Душа слепа, но чтобы вновь прозреть,
Увидеть жизнь свободной и обширной —
Ей надо до конца переболеть
Великой болью, вечной и всемирной.

Душа должна пройти великий путь
Терпенья, безнадежности и муки.
Огнем должно спалить земную грудь,
Железом исколоть лицо и руки . . .
И будет вновь — прокатится, как гром,
И время отольется новым веком —
Невидимое станет веществом,
Бесчувственное станет человеком . . .

В моей каморке много старых снов
И груды книг лежат на полке пыльной,
И мысль о том, что где-то льется кровь
Мне кажется обидной и бессильной.
Я вспоминаю радость прошлых дней
Которая казалась бесконечной,
Читаю письма старые друзей
И жду тебя, любимой и сердечной.

1944

ОТРЫВОК ВТОРОЙ.

Мой мир упал в пустые небеса —
За тот высокий, призрачный порог,
Куда прошла слепая полоса
Всех пройденных и прожитых дорог.
Мой мир уплыл за дальние края,
За синие края земных морей,
Мой мир уснул, остался только я
Следить за тенью тихою своей.

Безмолвно и безжизненно вокруг
От темного дыханья пустоты.
Мне хочется сказать тебе, мой друг
Как близко от меня проходишь ты.
Смеется мое сердце надо мной . . .
И странно мне, что я еще живу,
Спокойный и расчетливый такой
На тонком и причудливом яву.

И только ветер, вечный и живой
Еще приносит вести о других,
О тех, кому не нужен мой покой,
Молчанье дней медлительных моих.
О тех, чья жизнь упала в темноту
Прекрасной, ослепительной грозой,
О тех, чья мысль пронзила на лету
Ужасный смысл рожденный темнотой . . .

Я выхожу на шаткое крыльцо
Смотреть, как ветер стелется у ног,
Толкает в грудь и ранит мне лицо,
Швыряет в небо камни и песок.
Я слушаю . . . Мне хочется постичь,
Понять его тревожную игру,
Мне хочется услышать громкий клич
Зовущих слов на каменном ветру . . .

1945